

*Так пойдём, дитя людей,
В царство фей, к лесной воде, —
Крепче за руку держись! —
Ибо ты не понимаешь, как печальна жизнь¹.*

Уильям Батлер Йейтс

¹ «Украденное дитя», перевод с англ. А. Блейз.

ПРОЛОГ

Шотландия, 1900 год

Джозеф знает о приближении бури. Он замечает опоясавший луну желтый ореол и ледяные проблемски в зимнем небе, когда поднимается с пляжа, то и дело останавливаясь, чтобы дать передохнуть ноющим скрипучим коленям.

Позднее ветер меняется с западного на восточный, и, проснувшись среди ночи, Джозеф чувствует застывшее в открытом море чудище, его арктическое, непривычно солоноватое дыхание. Он мог бы и предупредить односельчан, разучившихся видеть знаки — низко парящих в воздухе чаек, ночное небо, поднявшийся ветер, — но зачем? Пусть буря разматывает их дымоходы, перепугает собак, а рубашки с простынями взовьются над крышами, будто крылатые предвестники смерти. Ведь, если подумать, разве кто-нибудь из них хоть что-нибудь сделал, когда налетевшая много лет назад буря отняла у него нечто гораздо более ценное?

Шторм уже собирается над Вершинами, где в стойлах ютятся скот, а в поле жмутся друг к другу овцы. Вихрь проносится вдоль домов и лавочек на

улице Копс-Кросс, мимо окна на втором этаже над бакалейной лавкой, где миссис Браун, так и не сомкнувшая глаз, окидывает взглядом узенькую улочку и черное полотно посеребренного звездным сиянием моря. Почувяв перемену ветра, она затворяет ставни, возвращается к печи, подхватывает на колени собаку по кличке Рэб и садится ждать.

Дальше, вниз по холму, в домике возле ведущих к Отмели ступенек, Дороти зажигает фонарь и ставит его на карниз окна верхнего этажа — путеводный огонек для потерявшихся во тьме бушующего моря.

Разразившаяся буря отнимает кое-что у рыбацкой деревушки, притулившейся на утесе. Срывает с крыши черепицу, скрадывает овец; валит деревья, разбивает в щепки пару лодок о прибрежные скалы. Но кое-что и дает, что на утро обнаружит Джозеф, когда в блеклых рассветных лучах пойдет проверить собственную лодку.

Некий дар.

СЕЙЧАС

Дороти

Стремясь поскорее вернуться к домашнему очагу и кипящим кастрюлькам, женщины снуют по лавке миссис Браун, и слякоть затекает внутрь из-под двери с порывами пронизывающего ветра. Как обычно, Дороти не обращает ни малейшего внимания на нарастающий гул голосов у прилавка, но внезапное молчание тотчас замечает. Стоя с полупустой корзиной в руках — всего пара картофелин да луковиц, — она видит, как женщины толпятся у окна, и ее охватывает странное, неведомое чувство. Кожу на руках стягивает, а по затылку пробегают мурашки. Она ставит корзину на пол и подходит к окну. Протерев запотевшее стекло, выглядывает наружу. Дождь пополам со снегом оседает меж булыжниками мостовой, а небо словно наливается свинцом. Дороти смотрит вверх и видит сельчан, что взбираются на холм по узенькой улочке, сгрудившись, зажмурившись и пригнув головы; затем она переводит взгляд вниз, по направлению к Отмели, и тут замечает его.

Джозефа.

Он шагает прямо посреди дороги. Когда Дороти осознает, что он несет на руках, из груди у нее вырывается пронзительный, животный вопль. Джозеф, должно быть, оторопел не меньше ее — лицо бледно как мел, глаза испуганно распахнуты. Мокрые волосы у ребенка на его руках отливают черным серебром, тело обмякло, кожа на лице посерела. Он весь лоснится от морской воды, крупными усеявшей его волосы, одежда насквозь промокла и потемнела. Тут она слышит оханье женщин и чувствует, как все лица оборачиваются на нее. Миссис Браун кладет ей на плечо красную, обветренную руку, и Дороти, обернувшись, понимает, что хозяйка лавки зовет ее по имени, но в ушах у нее звенит, потому что она уже сама все увидела...

Как одна ножка болтается в коричневом ботинке, а другая свисает — посиневшая, холодная и босая.

Дороти выходит на улицу, будто во сне. Остальные тоже выходят — кто-то наблюдает за ней, другие смотрят на мужчину с ребенком. Дороти словно распущенное вязание, ибо ее взгляду явно предстал призрак прошлого. Она подается было вперед и протягивает к ним руку, но Джозеф проходит мимо, дальше по мощеной улице, и женщины из лавки, словно плакальщицы, тянутся следом. На углу он оборачивается и качает головой, чтобы никто за ним не шел, и тут они замечают, все разом — и подергивающуюся босую ножку, и безжизненно повисшую окоченевшую руку. Ребенок вдруг закашливается, и Джозеф пускается бегом, насколько позволяет ледяной дождь, и сворачивает к дому настоятеля, скрываясь за углом.

Дороти стоит на месте как вкопанная. Она пытается размежевать былое и настоящее, но это выше ее

сил. Ей так и хочется пойти за ними следом, поверить в то, что это он, и все-таки она нетвердым шагом возвращается домой, еле взбирается по лестнице, не потрудившись даже затворить входную дверь, ощущая в теле то ли тяжесть, то ли легкость, сама не понимает, что именно. Не помня себя, она проходит в спальню мимо неизменно запертого чулана и шаткой походкой устремляется к шкафу.

Под мокрым снегом, задуваемым с моря, стекла окон постукивают и дребезжат, а ветер завывает, пролетая от двери и вверх по лестнице, к Дороти, вставшей на колени перед нижним ящиком. Открыв его, она на ощупь перебирает шерстяные нательные майки с исподним, пока не находит то, что искала. На миг ее поражает, как он так быстро просох. Она ощупывает знакомые изломы на коже, достает его и, бережно обхватив руками, перекладывает в карман передника. Затем закрывает глаза, опирается лбом о шкаф и вдыхает запах коричневого ботиночка с отголосками морской соли, сохранившимися столько лет спустя.

В продуктовой лавке миссис Браун поднимает с пола корзину Дороти, кладет на место лук с картошкой и, несмотря на ранний час, переворачивает вывеску на двери надписью «Закрыто» наружу.

Той ночью Дороти впервые за долгие годы снится сон о Моисее. Он играет в волнах, на мелководье. Она опирается спиной о валун, чувствуя сквозь тонкий хлопок платья его тепло, пропитывающее кожу на лопатках. Она наблюдает за мальчиком — волосы его серебрятся под солнцем, под искрящимся на морской глади светом — всем тем, что сохранила

память. Во сне она задремывает, а просыпается уже зимой: над головой темное низкое небо, кругом свирепая буря. Волны вздымаются громадной стеной, и она мечется по пляжу взад и вперед, зовет его, но ветер перехватывает ее голос и подкидывает вверх, в небеса. Но стоит ей подумать, что для него все потеряно, как он находится вновь: прилив отнес его в сторону вдоль побережья, и он стоит как ни в чем не бывало, а волны обрушиваются на него одна за другой. Он оборачивается и улыбается своей тихой улыбкой, а его зеленые глаза переливаются, словно морская пучина.

«Мамочка?»

Когда она просыпается, уже взаправду, за окном воет ветер, а подушка, сжатая в замерзшем кулаке, вся мокрая.

Лавочка открыта

Поутру в деревне все только и ждут, как бы обсудить происшествие, хотя и напускают безразличный вид из чувства приличия. Женщины торопливо семенят по обледенелым булыжникам в лавку миссис Браун, чтобы прикупить пару ненужных вещиц, пока ведущие в деревню и обратно дороги не замерзли и жители не оказались отрезаны от мира, как и в любую другую зиму.

Они наполняют корзину всякой всячиной и подходят расплатиться, выжидая, пока миссис Браун по своему обыкновению возьмет все в свои руки, облокотившись о прилавок и карандашом заправив за ухо выбившуюся прядь седых волос. Но сегодня она на редкость тиха и с непроницаемым взглядом деловито высчитывает стоимость покупок.

— Господи помилуй, неужто никто вслух не скажет? — не выдерживает Нора, худощавая и бойкая в противоположность миссис Браун, и остальные тут же выдыхают и опускают на пол корзины, обрадовавшись, что кому-то хватило смелости озвучить то, о чем думали все. — Я будто привидение увидела! — Она закрывает глаза, но тотчас снова открывает, дабы

убедиться, что все взгляды устремлены на нее. — Этот ребенок — вылитый... то есть, мне так показалось, пока не вспомнила про возраст. Сколько лет уж минуло? Пятнадцать? Двадцать?

— А где он его обнаружил?

— К пляжу прибило, по словам настоятеля... При том живого, можете себе вообразить!

— Я слышала, он им сказал...

— Ой ли? Я только утром к ним ходила. Он и слова не проронил!

— Так ты его видела?

— Ну, сама не видела, но Марта сказала...

Остальные многозначительно переглядываются, высказывая свои мысли относительно таких утверждений.

Нора заговорщицки понижает голос:

— Уверена, за этим что-то кроется. Даже ботиночек...

На этой реплике все умолкают: слишком необъяснимый случай, слишком схожий. Даже миссис Браун прервала подсчеты и замерла с луковицей в одной руке и карандашом в другой, застигнутая врасплох странным стечением обстоятельств.

Нора прощупывает почву дальше:

— А я ведь всегда говорила, что этот мальчишка...

Наконец-то миссис Браун прерывает молчание:

— Довольно разговоров. У вас ни капли жалости не осталось? Не знаю, как вам, но мне недосуг тут ласы точить. Скоро выпадет снег, и я хотела бы попасть домой до темноты, большое спасибо.

Монетки раздосадовано звякают о прилавок; женщины расплачиваются и, подхватив корзины, расхо-

дятся, оскорбленные и отчасти озадаченные. Ведь если и был в деревне человек, кто на протяжении долгих лет не питал ни малейшей жалости к Дороти Грей, так это сама миссис Браун.

Джозеф

— Как там парнишка?

Джозеф переминается на пороге и вертит в руках шляпу.

Жена настоятеля, Дженни, отшатывается под ледяным дуновением холода, который он выпускает, а сама глазами пробегает по его лицу и окидывает взглядом улицу позади. Затем со вздохом говорит:

— Лучше проходите в дом, хотя бы не стойте на холоде.

Джозеф переступает их порог второй раз за неделю, но в прошлый потрясение при виде ребенка отбило у него всякую наблюдательность. На этот раз он замечает, что Дженни уже на сносях и как сильно выпирает набухший живот; замечает подготовленную загодя коляску и то, как Дженни, едва заметно замешкавшись, проводит его дальше по коридору. Горничная Марта поднимает глаза от теста, которое месит, и кивает.

Дженни вежливо откланивается:

— Вы пока обождите здесь, Джозеф, а я пойду позову мужа.

Жар от печи до боли обжигает руки, но Джозеф подвигается поближе, благодарный ей за тепло. Как

только Дженни захлопывает дверь и шаги ее удаляются, Марта отряхивает руки от муки о передник.

— Согреть тебе чего-нибудь попить, а, Джозеф? Ты будто насквозь промерз. — Улыбка у нее оживляется.

— Нет, я на минутку, и тут же вернусь к своему очагу, — отвечает он и взглядывает на закрытую дверь, прислушивается к тишине в коридоре. — А что мальчишка, как он там?

Марта тоже беспокойно оглядывается на дверь, а затем вздохнув выпаливает:

— Не обронил ни слова. Только и делает, что спит. Я приготовила ему говяжью похлебку и кормила с ложки, ну и попутно печь протопила.

— Так, значит, он выживет? Не умрет ни от переохлаждения, ни... — Джозеф насилу сглатывает.

В коридоре раздаются шаги, и Марта снова принимается месить тесто. Джозеф протягивает руки к очагу, и Дженни с облегчением застает обоих в той же позе, что и прежде: Джозеф так и стоит в пальто, даже не присядет, не устроится поудобнее.

— Настоятель сейчас занят, — строгим голосом отрезает она, а взгляд ее падает на растекшийся по кухонному полу снег. — Мальчик выживет, Джозеф, — хорошо, что вы принесли его к нам. Поставим его на ноги и, как только погода позволит, отвезем в больницу на материк, а оттуда, с Божьей помощью, домой. — Она указывает на кухонную дверь. — Как видите, мы несколько заняты, поэтому...

Джозеф коротко кивает в знак благодарности и вновь уходит в снегопад. Он и раньше был уверен, что о нем судачили — будто бы то, что случилось той незапамятной ночью, как-то связано с ним.

И теперь они опять возьмутся за старое. Казалось бы, ему уже не привыкать, но Джозеф так и не привык. Уходя из пасторского дома, он пинает каменную ступеньку крыльца.

Спустившись к Отмели, он рьяно принимается за починку лодки и с головой уходит в работу, отрывая гнилую вагонку на палубе, стиснув зубы, еле согревая руки над жаровенкой.

И тут он видит ее. Дороти. Она стоит на нижней ступеньке и оглядывает морские просторы. Она его еще не заметила, и, пользуясь моментом, он окидывает ее пристальным взглядом.

Она уже не та хладнокровная юная женщина, что только переехала в деревню, чей взгляд резал острее ножа, а выражение лица озадачивало любого. С тех пор столько воды утекло. Джозеф вспоминает, как у него зашлось сердце и перехватило дыхание, когда он впервые увидел ее на том же самом месте, где она стоит сейчас, придерживающую рукой волосы. Такая непохожая на девушек из Скерри, увивавшихся за ним, хихикая и беззаботно щебеча.

Когда она успела так постареть?

На протяжении долгих лет он наблюдал за ней в церкви, видел, как она всегда приходила раньше всех и оставалась после того, как остальные давно разошлись, исполняя служение и разнося пайки по домам призрения да в домик Джини на утесе; он знает, что она все так же работает школьной учительницей и вяжет для рыбаков, хотя и не знает, кто носит ее свитера. Муж ее домой так и не вернулся, и после исчезновения Моисея он все гадает, равно как и сейчас, зачем она вообще осталась в Скерри.

Джозеф мысленно возвращается в настоящее время.

Что-то в ней переменялось. Он приподнимается на корточках и прищуривается. Вот оно что. Она без уличных ботинок, а пальто — он хмурится и снова вглядывается, чтобы наверняка, — застегнуто невопад, и одна пола висит ниже другой. А шагает она, вопреки обыкновению, отнюдь не решительной походкой. Как будто сама не уверена, куда идет, попеременно останавливается и всматривается в море. Дороти бледна как мел, щеки совсем осунулись, спина уже не в струнку, как прежде; узкая талия, которую он в своем воображении обвивал руками, уплотнилась, а рыжие волосы потускнели, и в них закрались серебристые пряди.

Джозеф отворачивается и снова принимается выламывать мягкое дерево, сдирая палубную отделку. Из-за Дороти любовь обошла его стороной. Приготовленный с утра пораньше завтрак, а по возвращении домой — разведенный очаг, накрытый стол и ужин, по ночам теплое тело под боком — все радости домашнего уюта, на которые может рассчитывать мужчина, обошли его стороной.

Она в его сторону даже не смотрит, ни разу не смотрела с самого исчезновения Моисея, а и он не возражал, но уже близится час, когда ей вновь придется встретиться с ним с глазу на глаз.

Поскольку Джозеф не забыл их ссору, как и нанесенную ему обиду. И прекрасно знает, что она об этом тоже помнит.

Дороти

Дороти не в силах противиться желанию увидеть мальчика своими глазами. В глубине души она знает, что это не он. В конце концов, она же учитель. И женщина разумная. Не может же ребенок — у нее щемило сердце от потребности в столь беспощадных словах — *исчезнуть*, а потом вернуться столько лет спустя, ни на день не повзрослев. Она это знает. Все верно, знает, думает она и, облегченно выдохнув, опирается ладонью о тесаный стол, а его монолитность придает ее мыслям весомости. Но тут ей вспоминается лицо ребенка, которого несли по улице Копс-Кросс, и на мгновение дыхание у нее перехватывает.

Не успевая опомниться, она сгребает пальто, натягивает ботинки и распахивает дверь на улицу. Выстроившиеся вдоль улицы домики, да и сама улица, теряются под плотной снежной завесой, а небо все еще хмуро нависает над головой, но Дороти поспешно взбирается по склону. Даже не заглядывает по дороге в лавку миссис Браун, не хочет видеть, как все толпятся у прилавка, и ловить на себе взгляд этой женщины, хотя на миг и ощущает тяжесть ее руки у себя на плече, а вместе с тем замешательство и раздра-

жение. «Поздновато для сочувствия», — думает она и мысленно скидывает руку миссис Браун с плеча.

Уже у дома настоятеля Дороти, дрожа всем телом, пытается собраться с духом и постучать в дверь. С кухни доносится нестройное пение Марты. Слов Дороти не разбирает, но под аккомпанемент звячущих сковородок песня навевает образы нехитрого домашнего быта, и на сей раз она отчетливо стучится, как будто это ее заставили ждать.

К двери подходит Марта и, стушевавшись, ахает:

— Надо же, миссис Грей, вы уже второй посетитель сегодня! Джозеф только что заходил.

У Дороти щемит сердце.

Когда на кухню входит Дженни и видит там Дороти, она невольно обхватывает руками округлившийся живот, словно желая защитить младенца в собственной утробе от нависшей тени горя, невообразимой потери.

— Миссис Грей. Чем могу помочь?

— Я была бы вам признательна... Не могли бы вы позволить мне увидеть ребенка?

Дороти не в силах опуститься до смиренной мольбы и держится скованно на чужой кухне в обществе беременной женщины, укачивающей нерожденное дитя, и горничной, помешивающей в очаге котелок, который наполняет комнату теплым, приятным запахом жаркого.

Тут открывается дверь, и в кухню входит настоятель. Заметив Дороти, он резко останавливается.

— Она хочет взглянуть на мальчика, — с многозначительным взглядом поясняет настоятелю жена.

На секунду в его взгляде мелькает растерянность, но потом лицо настоятеля озаряет мимолетное осознание, и он кивает.

— В таком случае пойдемте со мной, Дороти.

Услышав собственное имя, не фамилию, она ощущает пощипывание в глазах и, быстро проморгавшись, идет следом за ним по мощенному каменными плитами коридору, а затем вверх по лестнице, пока они не подходят к двери в комнату, где находится дитя. На мгновение ей чудится, будто бы дверь вот-вот откроется в ее кладовую с деревянной кроваткой у стены под окошком и она, переступив порог, окажется в прошлом.

Но, разумеется, так не бывает. В этой комнате на прикроватной тумбочке то разгорается, то съезживается пламя масляной лампы, в очаге потрескивают поленья. Шторы задернуты, и в комнате тепло и уютно, по стенам скачут желтые отблески.

Глаза Дороти не сразу привыкают к освещению, но, пообвыкшись, она видит, что мальчик спит. И вновь приходит в смятение при виде разметавшихся на подушке серебристых волос. Она рассматривает его щечки, проступивший на свету легкий детский пушок. Мальчик исхудал и осунулся, и на коже темнеют ушибы. Он открывает глаза. Зеленые, как морская волна. Дыхание у нее перехватывает.

Он улыбается своей тихой улыбкой, и его зеленые глаза переливаются, словно морская пучина.

— *Мамочка?*

Он смотрит безучастным взглядом на Дороти, тогда как ее дыхание становится все чаще.

— Это не он, Дороти. Вы сами все видите.

Рука настоятеля мягко касается ее плеча, и Дороти внезапно ощущает жгучий стыд. Чтобы ей, взрослой женщине, взбрела в голову такая нелепица! И, ощутив в утробе пустоту, она кивает.